

**ВЫСЫЛКА КЫРГЫЗСКИХ И КАЗАХСКИХ БАЕВ И МАНАПОВ В 1928–1929 гг.
КАК ЧАСТЬ СОВЕТСКОЙ РЕПРЕССИВНОЙ И АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ:
ПРИОТКРЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ТРАГИЧЕСКОЙ ЭПОХИ**

Б.С. Сарсенбаев

Анализируются новые материалы по высылке кыргызских и казахских баев и манапов в 1928–1929 гг., которая была частью советской репрессивной и аграрной политики.

Ключевые слова: высылка; бай; манапы; советская репрессивная и аграрная политика.

Победа сталинского Политбюро в борьбе с троцкистами и свергивание НЭПа (с заменой его на пятилетние планы, ускоренную индустриализацию и насильственную коллективизацию) привели к значительному ужесточению советской репрессивной политики с 1928 г. Причем этот процесс существенно отличался в разных республиках.

В республиках с преобладанием кочевого животноводства в сельском хозяйстве и сохранявшимся родоплеменными пережитками, т. е. в Казахской и Киргизской АССР, был нанесен превентивный удар по родовой знати – баям и манапам, которые своим авторитетом и материальными ресурсами могли серьезно помешать советской власти в проведении коллективизации сельского хозяйства, организовать и возглавить сопротивление. К тому же данная акция усиливала власть большевиков в кочевых районах. Официально репрессивная кампания была названа “ликвидацией кулачества и байства как класса”.

Стоит согласиться с мнением американского историка Джеймса Бейкера об особой роли баев у казахов, распространив его и на кыргызский социум описываемого периода: “Бай олицетворял со-

бой представительную власть рода, поддерживал обычай и организовывал систему взаимопомощи даже тогда, когда позиция бая в двадцатом столетии определялась в большей степени уровнем личного благосостояния, нежели богатством рода. Аксакалы (старейшины) поддерживали главу, младшие подчинялись старшим, женщины – мужчинам, согласно экзогамии и другим брачным обрядам. Практически экономическая и политическая власть в казахском обществе сливалась” [1, с. 242–243].

Важным этапом решения аграрного вопроса в Кыргызстане явилась земельно-водная реформа 1927–1928 гг., завершившая национализацию в республике земли, задержавшаяся из-за басмачества и сильного влияния баев, манапов и мусульманского духовенства. В ходе реформы было экспроприровано 497 наиболее крупных бай-манапских хозяйств, в государственный фонд поступило 45 777 га поливной и 22 831 га богарной земли, начался массовый переход кыргызов к оседлости [2, с. 196].

Политико-идеологической и правовой основой для ликвидации бай-манапов стало постановление Президиума ВЦИК, опиравшегося на по-

становления Президиума ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1925 г. и 22 апреля 1925 г. о выселении бывших помещиков и ликвидации их имущественных отношений. В новом постановлении, состоявшем из 17 пунктов, указывалось, что некоторые национальные отсталые окраины РСФСР не прошли целый ряд этапов революционного развития, которые пережили центральные губернии РСФСР (комбеды, осереднячение и др.), почему в этих окраинах революция слабо затронула старые дореволюционные взаимоотношения, оставив в полной мере экономическое и политическое господство сильных родов и бай-манапов [3, с. 22–26].

Партийными органами страны решение аграрной проблемы связывалось с переходом кочевых хозяйств на оседлость. В декабре 1929 г. Пленум ЦК Компартии Казахстана обсудил пути выполнения генеральной линии партии на коллективизацию, наметил перевод 544000 хозяйств на оседлость. При этом подчеркивалось, что переводить надо насильно, что вызывало, естественно, сопротивление особенно зажиточных хозяйств [4, с. 14].

Как отмечалось в постановлении Президиума ВЦИК, опыт существования Советской власти на этих окраинах показал, что эти бай, манапы и представители сильных привилегированных родов являются непримиримыми врагами Советской власти; они всячески препятствуют основным мероприятиям в ауле и кишлаке, ведут злостную агитацию, разжигают национальные взаимоотношения между европейским и местным населением, используют при этом родовые отношения и экономическую зависимость бедноты [3, с. 22–26].

Названное постановление Президиума ВЦИК четко описывало круг лиц, подлежащих выселению с конфискацией имущества (крупные скотоводы из местного населения (бай и манапы), кулацкие хозяйства помещичьего типа европейского населения, предписывало изъятие имущества (скот, сельскохозяйственный инвентарь, строения, юрты и т. п.) и организацию комиссий при ЦИК Киргизской АССР и Казахской АССР (под председательством председателя ЦИК или его заместителя, в составе четырех членов – по одному от Народного комиссариата земледелия (рангом не ниже члена коллегии), ГПУ (начальника или его заместителя), Союза “Кошчи” или Комитета крестьянского общества взаимопомощи, Союза работников земли и леса). Подобные комиссии создавались на всех уровнях территориального управления. В составе комиссий с правом совещательного голоса участвовал представитель прокуратуры.

Постановления комиссии подлежали утверждению ЦИК, который также определял срок

и время выселения. Выселение лиц, не покинувших принадлежащее им владение к указанному сроку, предписывалось производить органам ОГПУ и милиции.

Отдельно акцентировалось внимание на распределении изъятого имущества и сроках выселения:

16. При составлении плана использования отбираемой земли и имущества необходимо учесть, что племенной скот подлежит зачислению в племенные хозяйства НКЗема..., а также для нужд учебных заведений (как культурные рассадники), остальной скот, имущество распределяются Комиссией через Союзы Кошчи или Комитеты Крестьянского Общества взаимопомощи между бедняцким и батрацким населением, главным образом данного района, при этом отдается предпочтение обобществленным хозяйствам. Отобранные земли должны представляться, в первую очередь, в непосредственное пользование местного коренного нуждающегося бедняцкого и батрацкого населения.

17. Выселение бывших крупных земельных собственников и крупных скотоводов должно быть закончено к 1.X-1929 г.” [3, с. 26].

Республиканскими органами власти и государственной безопасности была подготовлена и проведена кампания по административной высылке самых богатых и влиятельных бай-манапов с их семьями и конфискацией всего имущества. Активное участие в организации и проведении кампании органов государственной безопасности позволяет относить ее не только к аграрной политике, но и репрессивной политике Советской власти.

Количество высылаемых бай-манапов и порядок их выселения согласовывались в секретном режиме ЦИК Киргизской АССР и Казахской АССР с Президиумом ВЦИК.

27 августа 1928 г. был принят декрет ЦИК и СНК Казахской АССР “О конфискации и выселении крупнейших байских хозяйств и полуфеодалов”, по которому разрешалось конфисковывать байские хозяйства, а их владельцев высылать за пределы республики. 30 августа 1928 г. была принята “Инструкция по применению постановления ЦИК и СНК Казахской АССР о конфискации байских хозяйств”, в которой отмечалось, что подлежат конфискации и выселению бай, имеющие в пересчете на крупный рогатый скот в кочевых районах свыше 400 голов, в полукочевых районах свыше 300 голов скота, и являются “социально опасными”. Лица, принадлежавшие ранее по своему положению к привилегированным группам (бывшие султаны, волостные управители, бии и др.), подлежали выселению вне зависимости от их имущественного положения [5, с. 176].

17 октября 1928 г. было принято постановление ЦИК и СНК Казахской АССР “Об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению полуфеодального крупнейшего байства”. Была создана Центральная комиссия по конфискации байских хозяйств и ликвидации байства как класса. Ее возглавил Е. Ерназаров. В течение 1928–1929 гг. было экспроприровано 1027 байских хозяйств, конфисковано 145 тысяч голов скота (в пересчете на крупный рогатый скот), а также сельскохозяйственный инвентарь. В Казахстане общее число репрессированных баев составило 1034 человека [5, с. 176].

Конфискованное у баев имущество было распределено органами власти следующим образом: бедняки и батраки получили около 80 тысяч голов скота, колхозы – почти 30 тысяч. Всего было наделено конфискованным байским имуществом и скотом 877 колхозов и 24 491 индивидуальное хозяйство. Около 90 % изъятого скота получили не имевшие скота шаруа и семьи, имевшие до 4 голов скота. Наделение названных категорий скотом и сельскохозяйственным инвентарем передвинуло их в группу середняков [6, с. 255–256].

На территории Казахстана кампания по выселению проходила шумно, с имитацией демократии, якобы по требованию самих трудящихся. Было проведено 6250 собраний с суммарным участием около 400 тысяч человек, 111 конференций, в работе которых приняли участие 21 тысяча человек [6, с. 255].

15 ноября 1928 г. было принято постановление ЦИК и СНК Киргизской АССР о выселении баев и манапов за пределы республики, с расселением в других территориально-административных единицах РСФСР. По нему предписывалось провести выселение “наиболее крупных скотоводов из коренного населения, которые сохраняя полуфеодальные, патриархальные и родовые отношения, своим имущественным и общественным влиянием препятствуют советизации аула” [7, с. 44].

По постановлению к крупным скотоводам в кочевых районах были отнесены лица, имевшие в пересчете на крупный скот 400 и свыше голов скота, а в полукочевых районах – 300 и свыше голов скота. Также выселению подлежали лица, по своему положению принадлежавшие ранее к привилегированным группам, даже если они не попадали под постановление по своему имущественному положению (потомственные манапы, пользовавшиеся правом родоначальников, бывшие волостные управители и бии, получавшие особые награды от бывшего царского правительства, связанные с “антисоветской деятельностью”) [7, с. 45].

Высылаемым лицам и их семьям запрещалось проживание и ведение хозяйства в пределах Кир-

гизской АССР. При выселении все их имущество, прямо или косвенно связанное с сельским хозяйством, подлежало конфискации, за исключением необходимого для ведения трудового хозяйства минимума скота и сельскохозяйственного инвентаря (данный минимум устанавливался СНК Киргизской АССР), предметов домашнего обихода и продуктов питания. При этом предписывалось не производить взысканий по долговым обязательствам, выданным бедняцкими и маломощными хозяйствами, данные обязательства подлежали изъятию у баев.

При проведении конфискации имущества выселяемых подлежали в первую очередь урегулированию их платежные обязательства по отношению к батракам и бедноте, работавшим в их хозяйствах, и принятие мер по обеспечению этих батраков работой (вовлечение в колхозы, размещение по соххозам, снабжение за счет конфискованного имущества для организации собственного хозяйства и т. п.). В следующую очередь подлежали удовлетворению платежные обязательства выселяемых баев по отношению к государственным учреждениям и прочим организациям [7, с. 45–46].

Также подлежали выселению из районов прежней хозяйственной деятельности с конфискацией имущества потомственные манапы, пользующиеся до сего времени правом родоначальников, бывшие волостные управители и бии, получавшие особые награды от царского правительства, связанные с антисоветской деятельностью. Постановление объявляло недействительным раздел имущества, носящий характер искусственного дробления хозяйства баями и манапами, состоявшийся после 1 марта 1928 г.

Срок выселения определялся особым постановлением ЦИК Киргизской АССР, при этом его проведение планировалось на период с 5 февраля по 1 марта 1929 г.

При этом органы ГПУ республики заранее просили Президиум ЦИК Киргизской АССР провести выселение баев и манапов до начала перевыборов Советов в Киргизской АССР, т. е. до 15 декабря 1928 г. Президиум ЦИК Киргизской АССР принял такое решение, но его не удалось выполнить.

Большую часть конфискуемого имущества (60–70 %) предписывалось передать беднейшим хозяйствам коренного населения в целях их укрепления с проведением мер к возможно большей их коллективизации. Наиболее организованные хозяйства должны были использоваться для создания колхозов, с вовлечением в них работавших в указанных хозяйствах батраков и бедноты. Остальная часть изъятого имущества подлежала передаче существующим колхозам и совхозам,

а наиболее ценный племенной скот – племенным хозяйствам земельных органов и местным сельскохозяйственным учебным заведениям [7, с. 46–47].

Для реализации указанного выше постановления СНК Киргизской АССР (за подписью председателя Совнаркома Киргизской АССР Ю. Абдрахманова) принял “Инструкцию Комиссиям (тройкам) по конфискации имущества выселяемым”, детализировавшая процесс выселения баев. Предписывалось комиссиям сначала изолировать баев, после этого проводить заседания сельсовета с привлечением сельского актива для формирования из его состава комиссий содействия (формально их состав подлежал избранию на последующем сельском сходе) [7, с. 22].

После взятия имущества на учет выселяемому баю и его семье объявлялось постановление о выселении и конфискации имущества, предлагалось указать желаемое место жительства, давался срок на ликвидацию дел и сборы с предупреждением, что в случае невыезда в течение объявленного срока выселение произведут органы ГПУ. По окончании работы комиссии по распределению изъятого имущества созывался сельский сход для доклада о значении проведенного мероприятия. Категорически запрещалось расходовать конфискованное имущество или скот на устройство угощений по случаю выселения или наделения имуществом [7, с. 24]. Всего за пределы Киргизской АССР в течение 1928–1929 гг. было выселено 40 баев и манапов с семьями [7, с. 42].

Отметим, что это была не первая высылка кыргызских баев и манапов за пределы республики, так как в 1927 г. по постановлению ОГПУ Киргизской АССР, одобренному ОГПУ при СНКСССР, были отправлены в административную ссылку с отбытием в городе Урда Казахской АССР сроком на 3 года 20 влиятельных кыргызских баев и манапов [9, с. 202–206].

В ходе проведения выселения баев и манапов центральные и местные органы власти Киргизской и Казахской АССР поддерживали контакты по этому вопросу.

25 марта 1929 г. Алма-Атинский Окрисполком обратился в ЦИК Киргизской АССР с просьбой оказать содействие по наблюдению за баями и их семьями по пути следования к местам ссылки и воспрепятствованию их возможному укрывательству на территории Киргизской АССР (к обращению прилагался список 80 баев, высылаемых из Алма-Атинского округа) [10, с. 3–6].

В ноябре 1930 г. Бюро Киробкома ВКП(б) приняло решение о возвращении в Казахскую АССР перекочевавших на территорию республики казахских хозяйств из смежных районов, проведении

мероприятий по конфискации и выселению байских хозяйств, которые надлежало выявить среди казахских хозяйств. Запланированные мероприятия планировалось провести с привлечением представителей Казкрайкома ВКП(б) [10, с. 45–47].

Среди руководства Киргизской АССР были разные точки зрения по вопросу ликвидации байства как класса.

В своем дневнике от 24 октября 1928 г. председатель СНК Киргизской АССР Юсуп Абдрахманов отмечал: “С 12 ч. дня был на заседании Исполкомиссии. В вопросе экспроприации байских хозяйств я выступил против. Против не потому, что я защищаю байство и манапство, а потому что проведение этой работы без разрешения вопроса о методах и формах работы с беднотой кочевых районов и организации их хозяйственной жизни – не дало бы сколько-нибудь значительных положительных результатов. Решили, что у нас не будем пока проводить экспроприации” [11, с. 115].

Трагедия эпохи и личной судьбы Юсупа Абдрахманова состояла в том, что он, как и многие другие, послушно выполнял приказы. Он, как глава правительства республики, подписал инструкцию по выселению баев и манапов, будучи против данного решения. В 1933 г. его снимут с поста председателя СНК Киргизской АССР и исключат из партии, позже отправят в ссылку в Оренбург, где в 1937 г. он будет арестован и возвращен для осуждения в Кыргызстан. 5 ноября 1938 г. он будет расстрелян [12, с. 96–97].

Для проведения изъятия баев и конфискации их имущества в кочевых районах Киргизской ССР, где советские органы были слабы и зависимы от родовой знати, активно привлекались сотрудники государственной безопасности и милиции. Сведения об этом есть в опубликованных воспоминаниях чекистов республики. В качестве примера назовем сборник воспоминаний чекистов, проводивших эти мероприятия в 1920–30-х гг., изданный в 1976 г. [13].

Большая часть высланных кыргызских и казахских баев выбрала для высылки Оренбургскую область РСФСР. Их прибытие было заметно для Оренбургской области, которая столкнулась с массой переселенцев и нехваткой земли. В местной газете “Смычка” от 24 апреля 1929 г. была опубликована заметка “О переселенцах”, в которой сообщалось следующее: “В последнее время в Оренбургском округе наблюдается чрезвычайно сильный приток переселенцев с Украины и других мест. Приток и расселение переселенцев на землях Оренбургского округа происходит без всякой плановости. Учитывая необходимость передачи

известной части земель нашего округа под зерносовхозы и отсюда невозможность выделения земли для переселенцев, окрисполком постановил просить облисполком и предложить окрзу и РИК-ам категорически воспретить самовольное вселение переселенцев в села нашего округа.

Наряду с этим наблюдается также чрезвычайно сильный приток из Казакстана административно-выселенных баев. Считая такое явление чрезвычайно нежелательным, окрисполком постановил просить облисполком возбудить ходатайство перед наркомземом о недопущении в пределы Оренбургского округа выселенных из Казакстана баев...” [14, с. 41–45, 52–53].

Некоторые из семей кыргызских баев попали в ссылку в сельские районы Восточной Украины. Например, известный кыргызский дирижер Асанкан Джумахматов вместе с матерью Артык Чаловой и братом Муратханом были высланы в 1930 г. Глава их семьи – Джумахмат Чалов, бывший уездный управитель и болуш Иссык-Атинского уезда, арестованный весной 1928 г., был осужден постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ в августе 1928 г. и сослан в Сибирь сроком на три года “за антисоветскую деятельность”. При аресте у его семьи было конфисковано все имущество [15, с. 288–289].

Ликвидация байства стала прелюдией к трагической по многим своим последствиям насильственной коллективизации сельского хозяйства, хотя в официальной советской, в том числе национальной, историографии “1929 г. вошел в историю нашей страны, как год великого перелома в области социалистического строительства” [16, с. 413]. У кыргызов и казахов все эти социально-экономические “революционные” преобразования, с высылкой и разорением тысяч крепких, состоятельных хозяйств привели к значительному и долгосрочному снижению уровню жизни большинства сельского населения, массовому голоду 1932–1933 гг., многочисленным восстаниям в сельской местности, упадку животноводства, бегству в соседние регионы (например, казахи из южных и восточных областей уходили от голода и коллективизации в Киргизскую АССР) и даже в другие страны.

Только в постсоветский период стали доступны ранее засекреченные документы по этой трагической странице советской истории, что дает возможность восполнить имеющиеся белые пятна в советском периоде истории Кыргызстана и Казахстана и объективно их оценивать [17].

Литература

1. Цит. по кн.: Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана / Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева. Алматы: Дайк-Пресс, 2007.
2. Плоских В.М., Джунушалиев Д.Д. История кыргызов и Кыргызстана / В.М. Плоских, Д.Д. Джунушалиев. Бишкек: КРСУ, 2009.
3. ЦГА КР. Ф. 21. Оп. 16. Д. 67.
4. Буркитбай Аяган. “Пережив весь ад судьбы превратной...”: казахская эмиграция Аяган Буркитбай // Журнал Достык. Дружба. Алматы. 2011. № 3.
5. Кан Г.В. История Казахстана / Г.В. Кан. / 3-е изд., перераб. и доп. Алматы: ТОО “Алматыкітап”, 2005.
6. Рыспаев К. История Республики Казахстан / К. Рыспаев. Алматы: Білім, 2002.
7. ЦГА КР. Ф. 21. Оп. 16. Д. 98.
8. ЦГА КР. Ф. 21. Оп. 16. Д. 17.
9. ЦГА КР. Ф. 21. Оп. 16. Д. 94.
10. ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 248.
11. Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину / авт. вступ. ст. Дж. Джунушалиев, И.Е. Семенов / Ю. Абдрахманов. Фрунзе: Кыргызстан, 1991.
12. Дятленко П.И. Реабилитация репрессированных граждан в Кыргызстане (1954–1999 гг.) / П.И. Дятленко. Бишкек: КРСУ, 2010.
13. Чекисты огненных лет. Фрунзе: Кыргызстан, 1976.
14. См.: ЦГА КР. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16.
15. Плоских С.В. Интеллигенция и власть Кыргызстана: проблема взаимоотношений в советскую эпоху / С.В. Плоских. Бишкек: КРСУ, 2012.
16. История Киргизской ССР: С древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 3. Фрунзе: Кыргызстан, 1986.
17. См.: Алексеенко А.Н. Население Казахстана: 1920–1990 / А.Н. Алексеенко. Алматы: Ғылым, 1993; Алексеенко А.Н. Народы Восточного Казахстана / А.Н. Алексеенко. Усть-Каменогорск, 1994; Плоских В.М. “Манас” не признал себя виновным / В.М. Плоских. Бишкек: Илим, 1993; Курманов З.К. Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы / З.К. Курманов. Бишкек: Илим, 1997; Батырбаева Ш.Д. Эпоха сталинизма в Кыргызстане в человеческом измерении / Ш.Д. Батырбаева. М.: РОССПЭН, 2010; Плоских С.В. “Академические вечера”: триумф и трагедия Касыма Тыныстановы: Исследование. Документы. Пьеса / С.В. Плоских. Бишкек: КРСУ, 2011; Интеллигенция Кыргызстана: сборник документов (1925–1991). Бишкек: КРСУ, 2011; Из истории депортаций. Казахстан. 1930–1935 гг.: сборник документов. Алматы: LEM, 2012.